

一個偉大而又樸實的人

斯大林同志

齊 光 譯

(俄華合訂)

А. С. ЯКОВЛЕВ

О ВЕЛИКОМ И ПРОСТОМ
ЧЕЛОВЕКЕ.

五十年代出版社發行

一個偉大而又樸實的人
斯 大 林 同 志

齊 光 譯

(俄華合訂)

五 十 年 代 出 版 社 發 行

А. С. ЯКОВЛЕВ

О ВЕЛИКОМ И ПРОСТОМ
ЧЕЛОВЕКЕ.

1951. 8.

一個偉大而又樸實的人
斯大林同志

著者	蘇聯	雅闊夫	列夫
譯者	齊光	發行人	金長佑
出版者	五十年代出版社		
發行所	五十年代出版社		

北京和平門內北新華街丙六號
北京西單北大街二三二號
上海南京西路一一二九弄六號
香港德輔道中二二號大華行三樓

印刷者 五十年代出版社印刷廠

北京和平門內北新華街丙六號

一九五一年八月初版

〔版權所有 不准翻印〕

前 言

這篇「關於一個偉大而又樸實的人」是 A.C. 雅闊夫列夫所著「見聞錄」裏最精彩的一篇。雅闊夫列夫是有名的蘇聯飛機製造家又是社會主義勞動英雄，他在「見聞錄」一書內描寫了自己的童年與成年，描寫了如何開始航空工作及如何開始製造飛機——由兒童飛機模型以至威力雄偉速度卓越在保衛祖國戰鬥中著有勛名的「雅克」驅逐機。

本篇敘述他和斯大林大元帥會晤的詳情，不但記錄了會晤時的每一談話，而且把斯大林元帥經常助成建造新型飛機的情形，也詳敘無遺。在抗美援朝保家衛國的今日，本文的內容，對於我們是有相當啓示和教育作用的，今由齊光同志忠實地譯成中文，對於學習俄文更有很大的幫助，特爲合訂刊出，以應讀者需要。

編者 一九五一年七月

О великом и простом человеке

После первых испытательных полетов моей новой боевой машины, когда стало бесспорным, что она намного опередила по своим летным качествам другие самолеты, однажды вечером меня неожиданно вызвали к Сталину. Я запомнил этот знаменательный день — это было 27 апреля 1939 года.

Прошло несколько лет с момента моей первой встречи с товарищем Сталиным на Тушинском аэродроме. Правда, за это время мне приходилось несколько раз видеть его на официальных совещаниях и заседаниях в Кремле, но теперь я шел по его личному вызову, я знал, что он меня примет в своем кабинете и будет со мной разговаривать.

Я был охвачен необыкновенным волнением. По дороге в Кремль я тысячу раз мысленно представлял себе предстоящую встречу: как подойду к товарищу Сталину, как поздороваюсь; старался угадать, о чем он меня спросит и как

мне надо ему отвечать. Я трепетал при мысли, что сейчас буду с ним разговаривать, увижу кабинет, где он работает.

В вестибюле приемной два молоденьких лейтенанта, прозрев мой пропуск, так лихо козырнули и так приветливо улыбнулись, что мне показалось, будто и они знают, куда и к кому я иду, и сочувствуют моим переживаниям.

Я с благоговением поднимался по лестнице, устланной красным ковром, а открывая за ярко начищенную медную ручку большую двухстворчатую белую кремлевскую дверь, думал, что, может быть, совсем недавно здесь же проходил и дотрагивался до этой ручки сам Сталин.

Пройдя несколько больших комнат, я очутился в секретариате. Подойдя к одному из секретарей, я собрался представиться, но он предупредил меня:

— Конструктор Яковлев? Товарищ Сталин назначил вам в шесть часов, а сейчас пять часов сорок пять минут, — сказал секретарь и попросил меня подождать.

Точно в назначенное время меня пригласили пройти в кабинет. Задыхаясь от волнения, я вошел.

Там, кроме Сталина, были Ворошилов и Молотов.

Сталин пошел навстречу и пожал мне руку. Потом со мной поздоровались Ворошилов и Молотов.

Не скажу, что когда я вошел в кабинет, мое волнение сразу как рукой сняло, — нет, но постепенно оно ослабевало. Меня встретили очень тепло. Своим рукопожатием, ровным голосом, походкой товарищ Сталин действовал на меня особенно успокаивающе.

Он начал расспрашивать меня о работе, о моей новой машине.

Кабинет, где товарищ Сталин работает, где он творит великие дела, невольно на всю жизнь врезался в мою память. Признаться, в первый момент я был как-то даже разочарован, может быть потому, что заранее себя настроил, воображая, что такого необыкновенного, великого человека, как Сталин, и обстановка должна окружать какая-то необыкновенная.

Меня поразила исключительная простота и скромность во всем. Большой кабинет со сводчатым потолком выходит тремя окнами на кремлевский двор. Белые гладкие стены снизу в

рост человека облицованы светлой дубовой панелью. Справа, как войдешь, стоит витрина с посмертной маской Ленина. Налево большие стоячие часы в футляре черного дерева с инкрустацией. Через весь кабинет постлана ковровая дорожка к письменному столу. На столе много книг и всевозможных материалов. За столом — кресло, слева от кресла — телефонный столик с телефонами. Телефоны разного цвета, чтобы не перепутать. Над письменным столом — известный портрет Ленина, выступающего на трибуне. Слева от стола, в простенке между окнами, — стеклянный книжный шкаф. Я успел заметить некоторые книги: полное собрание сочинений Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая Советская энциклопедия...

Вдоль противоположной стены кабинета, на которой висят портреты Маркса и Энгельса, стоит длинный стол, покрытый темным сукном; к столу придвинут ряд стульев. В тот момент, когда я вошел, Сталин сидел в дальнем конце за этим большим столом, Молотов и Ворошилов — справа и слева от него.

Из кабинета раскрыта дверь в следующую комнату, стены которой сплошь увешаны геогра-

фическими картами. Посередине комнаты стоит огромный глобус.

На письменном столе я увидел модель самолета с надписью: «Сталинский маршрут». На таком самолете Чкалов, Байдуков и Беляков совершили в свое время замечательный перелет в Америку через Северный полюс.

По мере того как разговор углублялся в техническую область, в мою родную стихию, я все больше и больше успокаивался, а к концу разговора совершенно освоился. Сталин, Молотов и Ворошилов вели со мной разговор так просто, что я перестал стесняться и, отвечая на их вопросы, уже не подыскивал слова, как вначале, а разговаривал так, как будто виделся с ними много раз.

После того как был решен ряд вопросов о моей дальнейшей работе, Ворошилов что-то написал на листочке бумаги и, лукаво поглядывая на меня, показал Сталину, который, прочтя, кивнул головой в знак согласия. Тогда Ворошилов прочитал текст ходатайства перед Президиумом Верховного Совета о награждении меня орденом Ленина, автомобилем «ЗИС» и премией в сто тысяч рублей. Это ходатайство тут же все трое подписали.

Я никак не ожидал такой награды и так растерялся, что даже не поблагодарил. Единственно, что я еще нашел сказать, это то, что работал не я один, а целый коллектив, и что награждать меня одного было бы несправедливо. На это Сталин ответил, что нужно немедленно представить список моих сотрудников, которые работали над новой машиной, чтобы их также наградить.

После этого со мной очень тепло, дружески попрощались, пожелали дальнейших успехов в работе и отпустили.

Это была моя первая личная встреча с товарищем Сталиным. Она оставила во мне глубокое впечатление и имела громадное значение для меня и для моей будущей работы.

Домой я пришел довольно поздно. Мама была дома. Она знала, у кого я был, но, видя, в каком возбужденном состоянии я вернулся домой, не надоедала мне расспросами. О том, что меня обещали наградить орденом Ленина, я ничего ей не сказал. «Зачем, — думаю, — говорить, что решено ходатайствовать о награждении? Когда наградят, тогда и скажу».

Я долго не мог заснуть, перебирая в памяти происшедшее. Заснул только под утро. Просыпаюсь, смотрю, мама стоит и плачет. Я со сна ничего не понял. Испугался.

— Что ты плачешь? — спрашиваю. — Что случилось?

— Вот, от людей последняя узнала!

— Что ты узнала?

— Ты от меня скрывал! Тебя наградили?

Тут я догадался, в чем дело, хотя и сам еще не знал подробностей.

Оказывается, мама пошла утром за молоком, а лифтерша ей и говорит:

— Поздравляю вас! Вашему сынку такая награда!

Потом уж мама достала газету и прочитала. Она плакала и от счастья и от обиды, что я накануне вечером ей ничего не сказал.

Утром на заводе я составил список работников, заслуживавших награждения.

Лег спать я в этот день рано, радостный, утомленный событиями вчерашнего вечера и бесконечными поздравлениями, и сразу крепко заснул. Меня разбудил звонок по телефону:

— Конструктор Яковлев? Говорят из секре-

тариата товарища Сталина. Позвоните товарищу Сталину, он хочет с вами говорить.

И дали мне номер телефона,

Я в страшном смятении набрал этот номер и вдруг слышу знакомый голос:

— Здравствуйте! Передо мной лежит список ваших конструкторов, представляемых к награде орденами. Вы, кажется, забыли летчика. Что-то я его здесь не вижу.

— Как же, товарищ Сталин! Летчик там есть, он представлен к награде орденом Ленина.

— Ах, верно, верно! Это я, значит, пропустил. А как дела у вас?

— Хорошо, товарищ Сталин.

Вот тут бы поблагодарить его — такой удобный случай! — а я опять забыл и повторяю:

— Все в порядке.

— Ну, если в порядке — хорошо. Будьте здоровы, желаю успеха.

И, только положив трубку телефона, я понял, что опять сделал оплошность и не поблагодарил за награду. Меня это страшно мучило.

Через несколько дней Сталин вновь меня вызвал. Тут я уже нашелся и стал его благодарить и за себя и за свой коллектив. Я сказал

ему, что эта награда не по нашим заслугам, что впрямь я, конечно, постараюсь оправдать ее.

Сталин ответил посмеиваясь:

— Что ж благодарить? Если человек хорошо работает и заслужил награду, что ж благодарить? Сами себя и благодарите.

После первой встречи с товарищем Сталиным мне приходилось еще не раз встречаться с ним по работе, и все больше и больше раскрывается передо мной образ этого великого человека.

Сталин во всем, что касается лично его, исключительно скромен.

Одевается он просто. До войны он носил обычно серый френч особого типа — даже, собственно, не френч, а удобную, не стесняющую движений тужурку, — такого же материала серые брюки и легкие удобные сапоги из мягкой кожи.

Во время разговора он мягко прохаживается по кабинету. Слушая собеседника, очень редко перебивает его, дает высказаться до конца.

Я заметил, что на заседаниях в правительственных учреждениях ему часто посылают записки. Он всегда прочитает записку, сложит аккуратно и положит в карман.

Ни одна из них не остается без внимания.

Сталин не терпит поверхностности и совершенно безжалостен к тем, кто при обсуждении какого-нибудь вопроса проявляет незнание дела. Таких людей он остро и едко критикует, поэтому выступать легкомысленно в его присутствии отпадает охота раз и навсегда.

Требовательность в работе—характерная черта Сталина.

Не раз мне приходилось быть свидетелем такого разговора. Дается какое-нибудь задание ответственному работнику. Тот говорит:

— Товарищ Сталин, срок мал, и дело это очень трудное!

А Сталин в ответ:

— А мы здесь только о трудных делах и говорим. Потому-то вас и пригласили сюда, что дело трудное. Скажите лучше, какая вам нужна для этого помощь, и сделайте все, что надо, и к сроку.

Сталин любит, чтобы на его вопросы давали короткий, прямой и четкий ответ, без вихляний. Обычно тот, кто в первый раз бывает у него, долго не решается ответить на заданный вопрос,

старается хорошенько обдумать ответ, чтобы не попасть впросак. Так я первое время, прежде чем ответить товарищу Сталину на какой-нибудь вопрос, мялся, смотрел в окно, на потолок.

А Сталин, смеясь, говорит:

— Вы на потолок зря смотрите, там ничего не написано. Вы уж лучше прямо смотрите и говорите, что думаете. Это единственное, что от вас требуется.

Как-то на прямо поставленный вопрос я затруднился ответить—не знал, как воспримет мой ответ Сталин, понравится ли ему то, что я скажу.

Он заметил это и серьезно сказал:

— Только, пожалуйста, отвечайте так, как вы сами думаете. Не старайтесь сказать то, что мне может понравиться. В разговорах со мной не нужно этого. Мало пользы получится от нашего разговора, если вы будете угадывать мои желания. Не думайте, что если вы скажете невпопад с моим мнением, это будет плохо. Вы специалист. Мы с вами разговариваем для того, чтобы у вас кое-чему поучиться, а не только чтобы вас учить.

Характеризуя одного руководящего работни-

ка, которого в свое время освободили от должности, товарищ Сталин сказал:

— Что в нем плохо? Прежде чем ответить на какой-нибудь вопрос, он прямо-таки по глазам старается угадать, что нужно ответить, чтобы не получилось невпад, как сказать, чтобы угодить. Такой человек, сам того не желая, может принести большой вред делу.

Как-то раз Сталин сказал:

— Если вы твердо убеждены, что правы, и сумеете доказать свою правоту, никогда не считайтесь с чьими-то мнениями, а действуйте так, как вам подсказывает ваш разум и ваша совесть.

Сталин не терпит безграмотности. Когда ему дают неграмотно составленный документ, он возмущается:

— Вот безграмотный человек! А попробуй упрекнуть — сейчас начнет свою неграмотность объяснять рабоче-крестьянским происхождением. Это неправильно. Это некультурность, неряшливость. Особенно в оборонном деле недопустимо рабочим и крестьянским происхождением объяснять недостатки своего образования, свою техническую неподготовленность, некультурность или незнание дела. Враги нам скидки на социальное происхождение не сделают. Именно

потому, что мы рабочие и крестьяне, мы должны быть всесторонне и безукоризненно подготовлены по всем вопросам не хуже врага.

Некоторым из командиров армии, которые пытались недостаточное знание дела и, особенно, сложной боевой техники искупить своей личной храбростью и презрением к опасности, Сталин говорил не раз:

— Многие у нас кичатся своей смелостью. Одна смелость без отличного овладения боевой техникой ничего не даст. Одной смелости, одной ненависти к врагу недостаточно. Как известно, американские индейцы были очень храбрыми людьми, но и они ничего не могли сделать со своими луками и стрелами против белых, вооруженных ружьями.

При решении отдельных вопросов в узком кругу лиц, имеющих отношение к обсуждаемому делу, Сталин дает высказаться по желанию всем присутствующим. У некоторых он сам спрашивает мнение и затем подводит итоги. Потом поддвигает кому-нибудь лист бумаги, карандаш и говорит:

— Пишите.

И сам диктует какой-нибудь важный документ.